

УДК 159.923.33

А. А. Бефани, канд. психол. наук, доц.,

В. Е. Ткаченко, асп.,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
кафедра общей и социальной психологии

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖСУБЪЕКТНОСТИ С. Л. РУБИНШТЕЙНА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Выполнен теоретический анализ основных положений разработанной С. Л. Рубинштейном концепции межсубъектной сущности человека. Выделены среди них те, которые созвучны современному пониманию значения брачно-супружеских отношений для личностного роста их субъектов.

Ключевые слова: межсубъектная сущность человека, межличностные отношения, совершенствование личности, супружеские отношения.

Психологическое и философское наследие С. Л. Рубинштейна обретает свою вторую жизнь в реалиях современного научного мира, намечая ориентиры из прошлого в будущее.

В этом наследии важное значение имеет разработанная С. Л. Рубинштейном концепция интерсубъектности сущности человека как его внутренней глубинной сопричастности другим людям, сущностной взаимности в самой онтологии (бытийной определмости друг через друга и через узы взаимоотношений).

Эта концепция имеет широкие перспективы дальнейшего теоретического развития и применения в самовоспитании, в педагогическом общении, в практике совершенствования личности в различных сферах межличностных отношений.

Целью данной статьи является анализ содержания концепции интерсубъектности С. Л. Рубинштейна и ее значения для научного постижения проблемы совершенствования личности в процессе супружеского общения и взаимодействия.

Согласно концепции С. Л. Рубинштейна, человек есть существо, имеющее свой “проект”: в нем существование предшествует сущности [12, с. 357]. Необходимым условием, которое конституирует, наполняет собой саму сущность человека, являются взаимоотношения субъектов. Если снять как неоправданную прерогативу первичности какого-нибудь одного “Я”, то тем самым можно будет утверждать о первичности уз взаимности сравнительно с любым обособлением [12, с. 334].

Для Рубинштейна неопровержимым эмпирическим фактом является обусловленность и самосознания каждого человека, и его бытия бытием и действиями других людей: “Отношения — взаимные — разных “Я” друг к другу выступают как условие их существования как конкретных эмпи-

рических существ, реализующих в себе всеобщность “Я” (как субъекта)”. И далее следует утверждение, что для человека другой человек является “мерилом”, выразителем его “человечности”, аналогично можно сказать и о значении “Я” первого человека для другого [12, с. 335].

Согласно Рубинштейну, само поведение людей строится как воспитание других, но не в смысле менторства, поучения или выставления себя в качестве образца, а в том смысле, что все поступки человека выступают как реальное изменение условий жизни людей, с которыми он вступает во взаимоотношения. Отсюда — ответственность человека за всех других людей и за свои поступки по отношению к ним: “...каждый мой поступок и каждый мой жест приобретают то или иное значение в зависимости от того, чем он является для другого человека. И для него все взаимно обстоит точно так же” [12, с. 368–369].

Основные идеи, из которых выросла целостная концепция межсубъектности сущности человека, были сформулированы Рубинштейном еще в 20-е годы XX столетия.

В публикуемой Р. С. Абульхановой-Славской рукописи Рубинштейн вводит важнейшие понятия относительно отношения человека не только к бытию, но и к другому субъекту. Он пишет: “Отношение мое к человеку (щедрость, искренность) — вот это не что иное, как “раскрепощение” бытия другого человека в результате не отчуждения, а соучастия; в результате моего отношения другой не сводится к совокупности отношений, а обретает бытие в себе” [14, с. 19]. Здесь же содержится и мысль, особенно значимая в контексте нашей статьи: внутреннее содержание действия субъекта образует то отношение, которым **формируется и тот, на которого оно направлено, и сам субъект.**

Обозначив на полях данной рукописи ключевое понимание межличностных отношений как “формирование человека через отношение к нему, воздействие на него”, Рубинштейн раскрывает это положение следующим образом: “Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него, преодолевающее его отчужденность, негативную независимость... вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая и в условиях его существования, и в нем самом то, что искажает его человеческую сущность... утверждать его бытие. Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере я — через него)” [14, с. 19].

Идея С. Л. Рубинштейна о проявлении, усилении в другом человеке его сущности посредством отношения к нему в соответствии с его сущностью, ставшая основным тезисом “онтологии человеческого бытия” Рубинштейна, была развита в дальнейшем советскими психологами, в частности Б. Ф. Ломовым, который ввел понятие субъект-субъектных отношений.

Взаимность по бытию, обозначаемая Рубинштейном как “реципрокность” между каждым личностным “Я” и его другим, включает в себя ценностные измерения. Своими действиями, поступками другой человек входит в “онтологию” человеческого, составляет необходимый компонент

человеческого бытия, поэтому он и ценностно имманентен личностному “Я”. “Каждое “Я”, поскольку оно есть и всеобщность “Я”, есть коллективный субъект, содружество субъектов, “республика субъектов”, содружество личностей; это “Я” есть на самом деле “Мы” [12, с. 334].

Говоря о “республике субъектов”, С. Л. Рубинштейн имеет в виду не безличное “мы”, за широкую спину которого ради избежания своей собственной ответственности и своего выбора прячется человек. Речь идет о том, что при максимуме совершенства личности она как раз и включает в себя наиболее полно других. В совести личности внутренне представлены голоса других из ближнего окружения; через них субъект сопричастен вообще всему бытию Универсума. Отсюда, согласно концепции Рубинштейна, следует обратимость человеческих отношений: “человек существует как человек только через свое отношение к другому” [12, с. 369].

Обратимость межличностных отношений при этом не рассматривается субъектами как условно-расчетная сделка, использующая друг друга. Речь идет о креативно-свободных поступках, через которые каждый ставит себя на место другого, имеет в себе большой потенциал такой поставленности себя на место других и других на свое место, достаточно большой опыт взаимодействия и взаимопроникновения на уровне ценностей. “Республика субъектов”, по Рубинштейну, строится не на сделках, не на внешних “договорах”, а на гармоничной сопричастности, обоюдной ответственности и даже на сердечных эмоциональных отношениях друг к другу.

С. Л. Рубинштейн приходит к очень важному выводу: “Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. “Сердце” человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям” [11, с. 263].

Рассматриваемая концепция Рубинштейна может быть сопоставлена, по мнению философа Г. С. Батищева, с концепцией диалогизма М. М. Бахтина. Бахтин характеризует межсубъектность как присущую “диалогической природе” человеческой мысли. “Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании. ...Идея начинает жить ...только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями... Идея интериндивидуальна и интерсубъектна, сфера ее бытия — не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея — это живое со-бытие” [3, с. 146–147]. Много позже Бахтин углубил свою концепцию диалогизма подчеркиванием того, что и вся бытийная сущность человека (а не только его посвященность идее) проникнута напряженной межсубъектной встречей. “Само бытие человека... есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность. ...Быть — значит быть для другого и через него — для себя”. “Я... не могу стать самим собою без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе” [4, с. 312].

Однако концепция межсубъектности С. Л. Рубинштейна, считает Г. С. Батищев, обладает явными достоинствами по сравнению с концепцией М. М. Бахтина. Последняя не дает той ориентации на культуру сердечности, которая одна только может венчать собою и наполнять духовным

светом межличностные отношения. В отличие от Бахтина Рубинштейн при трактовке межсубъектности сознательно сделал упор на культуру сердечности, подразумевая под этим не зыбкие пристрастные эмоции, а сдержанно-мужественное полное приятие субъектами друг друга, при строгом отвержении всякого гедонизма и утилитаризма, при четком отличении достоинства от гордости [12; 14 с. 270].

Раскрывая межсубъектную сущность человека, Рубинштейн много внимания уделяет креативному процессу — творчеству как “строительству человека”. При этом он подчеркивает особое значение в этом творчестве любви человека к человеку. Именно “агапическое” отношение утверждает других в их восхождении к бытию все более высокого плана: “в бесконечной мягкости и бесконечной требовательности любви проявляется особое творческое отношение к человеку, субъекту”. Агапически утверждая другого, человек посвящает себя его восхождению и его универсальному призванию и ради этого — обретению им “все большего внутреннего богатства” [12, с. 373].

Выдвинутое Рубинштейном понятие творчества, относящееся прежде всего не к миру вещей, а к сфере человеческих отношений, к их построению согласно высшим гуманистическим идеалам, было успешно использовано в дальнейшем учениками и последователями Рубинштейна [1, с. 235].

Согласно концепции Рубинштейна, свое подлинное человеческое существование человек обретает в любви к другому человеку, поскольку он начинает **существовать** для другого человека, становится “самым существующим из всего существующего” — в этом, по Рубинштейну, смысл любви мужчины и женщины. Напротив, акт или чувство ненависти, призрания есть отказ в признании, перечеркивание бытия человека, значимости его бытия.

Любовь является вычленением особого, **неповторимого** существа человека, с ее началом человек начинает существовать для другого человека в новом, более полном смысле как некое завершенное, совершенное существо [12, с. 369]. Любовь выявляет образ любимого, часто невидимый для других людей — не потому, что любящий поддается иллюзии, а потому, что он выявляет те стороны, которые скрыты для других. Человека любят не за тот или иной поступок, вызывающий одобрение или поощрение других людей (который может быть случайным), а за него самого, за его подлинную сущность, а не за его заслуги. Выражение любви в ее исходном и самом чистом виде — радоваться самому существованию другого человека (“Хорошо, что вы существуете в мире”).

В любви, как в фокусе, проявляется факт невозможности существования человека как изолированного “Я”, т. е. вне отношения к другим людям [12, с. 370–371].

Рубинштейн говорит о необходимости снятия противопоставления любви к “ближнему” и “дальнему” человеку и показывает, что необходимо “в ближнем узреть и вызвать к жизни дальнего человека, идеал человека, но не в его абстрактном, а в его конкретном преломлении” [12, с. 373]. Иными словами, речь идет о том, чтобы в ближнем увидеть идеал в его конкретном

выражении и способствовать его созданию. Такой подход к идеализации любимого сближает концепцию С. Л. Рубинштейна с идеями В. Соловьева, Э. Фромма и др. [6].

И последнее, чем можно завершить анализ концепции Рубинштейна сущности человека как принципиально межсубъектной. Решая совместно жизненные задачи, объединяющие людей, их радости и их ответственность, люди осуществляют не только построение внутреннего мира друг друга, но и “строительство” новых отношений [12, с. 380].

Рубинштейновская концепция межсубъектности актуальна и в наше время для обоснования проблем обеспечения благополучия брачно-супружеских отношений и развития личности их субъектов. Сформулируем основные идеи С. Л. Рубинштейна, которые созвучны современному пониманию сущности и значения межличностных отношений супругов.

1. Бытие обоих субъектов взаимоотношений является взаимообусловленным. Каждый своим отношением должен даровать другому его бытие; каждый существует только через свое отношение к другому.

2. Взаимообусловленность самосознания обоих субъектов взаимоотношений.

3. Каждый человек на протяжении жизни реализует себя (свой “проект”), но для этой реализации необходимо присутствие другого, выступающего как “мерило”, выразитель его личностных качеств (его “человечности”).

4. Межличностные отношения являются необходимым условием личностного развития каждого субъекта этих отношений. Посредством отношения другого в личности того, на кого оно направлено, проявляются и усиливаются те качества, которые составляют сущность данной личности. Каждый субъект взаимоотношений несет на себе ответственность за другого и за свои поступки по отношению к нему.

5. Узлы взаимности являются первичными сравнительно с любым обоим субъектом. Оба субъекта взаимоотношений создают свою “республику субъектов” — единое “мы”, которое включает в себя совершенных личностей, объединенных едиными ценностями и обоюдной ответственностью за совместное бытие.

6. Основой для личностного роста субъектов взаимоотношений, для обретения ими все большего внутреннего богатства, для их восхождения к бытию более высокого плана является любовь, сердечное отношение друг к другу. Именно любовь вычленяет в любимом его особую неповторимую сущность, скрытую для других людей, благодаря чему он становится для партнера совершенным существом. Любовь — это созерцание и утверждение совершенства друг для друга.

Выполненный нами анализ психологической литературы по проблемам супружеских взаимоотношений показал соответствие основных положений современного понимания этих проблем идеям С. Л. Рубинштейна, составляющим его концепцию межсубъектности.

Созвучную концепции Рубинштейна идею о взаимообусловленности бытия двух близких людей мы находим у Э. Фромма: “Что один человек отдает другому? Он отдает часть самого себя... часть своей жизни. ...И, делясь

своей жизнью с другим, он обогащает его, делает его ощущение жизни ярче, усиливая и свое собственное ощущение жизни. Он отдает не для того, чтобы получать; дарение само по себе — изысканнейшая радость. Но, отдавая, он невольно оживляет что-то в другом человеке, и, отраженное, оно возвращается к нему обратно; если он отдает искренне, то неизбежно получает то, что отдают ему в ответ. Отдавая, ты и другого человека делаешь дающим, и оба испытывают радость от того, что они вложили в жизнь. В акте отдачи рождается нечто, и оба участника благодарны рождающейся для них обоим жизни” [18, с. 95].

Российский психолог А. Тиводар, исследуя семью как одно из существенных бытийных пространств личности, выполняющих функцию подтверждения и поддержки, исходит из того, что основным модусом существования человека является со-бытие с Другими. Жизнь вместе создает для личности проблему со-бытийности. В условиях со-бытийности субъектная позиция, определяемая ценностной ориентированностью на предпочитаемые виды активности, нуждается в *подтверждении, поддержке и согласовании* со встречным процессом реализации ценностно-ориентированной активности Другого. Аутентичность со-бытийности партнёров достигается за счёт успешности разрешения возникающих в этом процессе противоречий [16].

В браке самосознание обоих супругов взаимообусловлено. Как показывает А. Тиводар, чувство идентичности, овладение собой достигаются в браке через прояснение содержания self в процессе “подтверждающего поведения” значимых Других [16].

Психологи, исследующие супружеские конфликты (В. П. Левкович, В. А. Сысенко), приходят к выводу, что в осознании супругами значимости и ценности своего “Я” важную роль играют отношения супругов, если они основаны на психической поддержке, взаимопонимании, эмоциональном комфорте и что человек ждет от своих близких подтверждающей информации той концепции “Я”, которую он создал о себе в своем воображении. В этом отношении любовь, дружба, теплота, внимание со стороны другого человека являются крайне важным психологическим обстоятельством, подтверждающим ценность и значимость нашего собственного “Я”, ценность и уникальность личности [8; 15].

Через все работы В. Сатир проходит мысль о том, что семья — это единственное место на земле, где все мы ищем гармонии, т. е. “успокоения раненой души” и “повышения самооценки”. Гармонии люди достигают благодаря супружескому взаимодействию [13].

Раскрывая особенности супружеских отношений, К. Роджерс говорит о значении таких элементов взаимоотношений, обеспечивающих личностное развитие обоих супругов, как постоянная забота о партнере, вера в его потенциал, подлинность, аутентичность, принятие всех аспектов личности партнера [10].

Все исследователи супружества так или иначе приходят к выводу о необходимости благополучно развивающихся межличностных отношений брачных партнеров для совершенствования личности каждого.

А. Тиводар, наиболее последовательно развивающая идеи С. Л. Рубинштейна применительно к исследованию супружеских отношений, показывает, что, оказываясь частью бытийного пространства партнера, другой человек в благополучном супружестве выступает как ресурс для развертывания свободной личности (а в неблагополучном браке он будет разрушительным противодействием для развития личности). Бытие с Другим относится к средовым обстоятельствам, позволяющим человеку состояться во всей полноте своего потенциала. В условиях со-бытийности происходит признание каждым из партнеров права другого партнера на внутренний мир, собственные мотивы, уникальность, автономность и самоактуализацию.

Для женщины брачное со-бытие — это пространство жизни, в котором происходят сущностные для оформления личности процессы [16].

Вот как формулирует положение о совершенствовании личности обоих партнеров в супружеских отношениях К. Роджерс: в браке “я сумею лучше узнать и приблизиться к тому, что я в действительности представляю собой глубоко внутри. Испытывая ли ярость или ужас, чувствуя ли любовь и доброту, бывая ли обаятельным и сильным или не знающим удержу и отвратительным, — я не стану скрывать эти чувства от самого себя. Возможно, я смогу высоко оценить себя во всей своей многогранности. Возможно, я смогу стать более похожим на того, кем являюсь внутри. В таком случае я смогу жить в согласии с собственными, усвоенными на опыте, ценностями, хотя и помня обо всех нормах общества. Тогда — со всей этой многогранностью чувств, представлений и ценностей — я смогу участвовать в отношениях с моим партнером — быть достаточно свободным, чтобы выказывать свою любовь, свой гнев и свою нежность такими, какими они существуют во мне. Может быть, тогда я смогу быть настоящим партнером, поскольку я на пути к превращению в подлинную личность. И надеюсь, я смогу побудить моего партнера встать на его собственный путь, ведущий к раскрытию его неповторимой личности, с которой нас объединит любовь” [10, с. 112].

При этом Роджерс добавляет, что в случае, когда это развитие самостоятельной личности происходит только с одним из партнеров, не поощряется и не культивируется в другом, тогда увеличивающаяся дистанция между партнерами может стать непреодолимой и взаимоотношения, катящиеся прямо в пропасть, сможет спасти только чудо. К. Роджерс считает, что брак, который постоянно преобразуется благодаря личностному развитию каждого из супругов, без сомнений, является одним из лучших источников уверенности, которые только может найти человек. Из этого пристанища он может пускаться в дерзновенные, творческие, исследовательские вылазки, свободно работать над преображением своего мира и идти на риск, так как знает, что всегда вернется в это пристанище взаимоотношений. Причем это пристанище должно постоянно находиться в изменении, в динамике процесса, а не в его статике. Основа такого цветущего спокойствия, по мнению Роджерса, — то лучшее, что есть в браке.

Многие авторы подчеркивают, что в здоровых, полноценно функционирующих, благополучных семьях оба супруга оптимально сочетают две

тенденции со-бытия — тенденцию близости, единства со значимым другим и тенденцию быть отдельным (дифференцированным), личностно идентичным [8; 14; 10; 15].

В зрелых супружеских отношениях, по мнению Э. Фромма, возникает парадокс: “двое становятся одним целым и все же остаются двумя существами”, сохраняя свою целостность и индивидуальность [18, с. 91].

В. Сатир в каждой супружеской паре выделяет три составляющих: я, ты и мы. “Два человека, три составляющих, каждая из которых важна и каждая живет своей жизнью и помогает двум другим. Я помогаю тебе, ты — мне; я помогаю нам, ты помогаешь нам, мы помогаем тебе и мне” [13, с. 125].

Соотношение взаимности и обособления в супружеских отношениях удачно сформулировал К. Витакер: “Те, кто остаются вместе, не просто “остаются”, но движутся от единства брака к индивидуации, а затем возвращаются в брак как в новое единство. И такой же процесс повторяется каждый день и час, начиная с первой недели брака” [5, с. 86].

По мнению Витакера, брак есть постоянная *психотерапия двух цельных личностей*, процесс изменения, в котором человек может отдать некоторые свои личные права, привилегии и способности в обмен на возможность принадлежать паре, более сильной, чем оба супруга поодиночке, паре, дающей каждому силу, необходимую для борьбы с социальными и культурными структурами, которые их окружают. В супружеских отношениях, считает Витакер, партнеры могут отодвигаться друг от друга и придвигаться друг к другу, приняв некоторое двухстороннее вето, поскольку они открыли, что *он* и *она* не то же самое, что *мы*. “Я” и “Мы” диалектически уравновешены. Человек может удаляться в индивидуацию и возвращаться в единство в бесконечном процессе.

“На самом деле, человек очень долго должен учиться тому, как стать частью “Мы”, не разрушая самого себя. Сначала ты учишься любить себя, потом — похожего на тебя человека, и лишь после появляются смелость любить непохожего, желание быть ранимым, стремление бороться за то, чтобы быть самим собой и, одновременно, вместе с другим. Тогда брак становится не взаимным усыновлением, превращающим двух 16-летних в одного 32-летнего, но настоящим процессом создания команды — докторской степенью в области человеческих взаимоотношений, предполагающих все более полную обращенность к другому с тем, чтобы все полнее выражать самого себя. Как говорит Мартин Бубер, полное выражение своего Я возможно только в свободных взаимоотношениях с другим. Давая обещание не покидать поле этой битвы, человек находит в себе все больше сил и все больше становится сам собой. Так, диалектическим образом, я больше становлюсь тем, кто “Я” *есть*, когда больше вхожу в то единство, которое *есть* “Мы”” [5, с. 99].

А. Р. Тиводар, ссылаясь на Е. Гоффмана, З. Фрейда, У. Джеймса, Ч. Кули, Э. Гидденса, Э. Эриксона, Дж. Марсиа и др., делает вывод о том, что брачные отношения, закрепляющие чувство общности между любящими людьми, делают более определенным, ясно очерченным чувство личност-

ной идентичности [16]. Она подчеркивает, что со-бытие предполагает признание каждым из субъектов права другого субъекта на внутренний мир, собственные мотивы, уникальность, автономность и самоактуализацию.

Одна из ключевых идей концепции Рубинштейна о значении любви для личностного роста субъектов межличностных отношений созвучна положениям, развиваемым в современной психологии применительно к исследованию проблем супружества.

Согласно А. Маслоу, основой выделенной им бытийной любви выступает осознание человеческой ценности другого вне зависимости от степени совершенства. Бытийная любовь также предполагает поощрение в другом человеке его позитивного представления о себе, самоприятие, чувство значимости любви, т. е. включает все, что способствует личностному росту [9].

Любовь психически здорового человека характеризуется, по А. Маслоу, прежде всего снятием тревожности, ощущением полной безопасности и психологического комфорта. Партнеры испытывают постоянный и растущий интерес друг к другу, заинтересованность в делах друг друга и т. д. Они очень хорошо знают друг друга, в их отношениях практически нет элементов искажения восприятия, свойственного романтической любви. Им удается сочетать трезвую оценку другого, осознание его недостатков с полным принятием его таким, какой он есть, что и является основным фактором, обеспечивающим психологический комфорт.

Также, по мнению А. Маслоу, опыт любви и любовных отношений является необходимым условием высокого личностного развития [9].

Как считает К. Витакер, любовь — “это состояние, в котором ты можешь в большей мере быть с самим собой благодаря другому человеку, тоже пребывающему с самим собой” [9, с. 78]. Любовь помогает избавиться от раздвоенности самоосознания и вступить в контакт со своим “Я”. Она включает в себя *единение*, а потому и способствует *индивидуации*. Такой парадокс, по мнению Витакера, свойственен развивающемуся браку.

Л. Я. Гозман, выполнивший анализ разных научных трактовок идеализации партнера в близких отношениях, раскрыл ее значение для личностного развития обоих супругов. Он показал, что идеализация долгое время рассматривалась как свидетельство определенной дефицитарности любовных отношений. Соответственно предполагалось, что любовь, реализуемая зрелой личностью, не нуждается в завышении качеств партнера, и, следовательно, межличностное восприятие в этих случаях будет более адекватным.

Однако, по мнению Гозмана, идеализацию недостаточно рассматривать просто как нарушение в системе межличностного восприятия. Надо отличать неадекватность восприятия тех или иных черт партнера, с одной стороны, и отношение к этим качествам, т. е. оценку их как важных или неважных в структуре личности партнера, терпимых или нетерпимых, сугубо временных или имманентно ему присущих — с другой. Ряд эмпирических исследований показывает, что идеализация как нарушение восприятия не может считаться существенной особенностью любовных отношений, по

крайней мере, стабильных. Что же касается идеализации как иного, более позитивного отношения к адекватно воспринимаемым свойствам другого человека, то она играет существенную роль в жизни индивида и в функционировании пары как целого.

Гозман предположил, что отношение к кому-то с восхищением, приписывание ему различных экстраординарных достоинств обслуживает удовлетворение каких-то важных человеческих потребностей. Он ссылается на Т. Рейка, который считал, что у человека есть три возможные реакции на осознание своих несовершенств — закрыть на них глаза, влюбиться в идеал, возненавидеть идеал. Способность к восхищению другим человеком, которая составляет важный компонент способности к любви вообще, помогает человеку идти по второму из этих трех путей, что является, несомненно, более продуктивной реакцией, чем первая и третья. То есть способность к идеализации является неременным условием личностного роста. Слова “Мне нужно на кого-нибудь молиться” свидетельствуют, по мнению Гозмана, о личностной зрелости поэтического героя Б. Окуджавы и никак не могут быть истолкованы как его неспособность к адекватному построению образа другого человека.

Идеализация, кроме того, способствует и оптимизации отношений в паре, вселяя в партнеров уверенность в отношении к ним другого человека и повышая их уровень самопринятия. В. С. Соловьев, например, считал, что идеализация — это не неправильное, но другое восприятие, при котором влюбленный видит в объекте своей любви не только то, что там есть на сегодняшний день, но и то, что там будет или по крайней мере может быть [6].

Таким образом, мы проанализировали содержание концепции С. Л. Рубинштейна интерсубъектности сущности человека как его внутренней глубинной сопричастности другим людям. Были выделены следующие основные идеи С. Л. Рубинштейна: взаимообусловленность бытия и самосознания обоих субъектов взаимоотношений; становление субъекта через отношение к нему другого; узы взаимности первичны сравнительно с любым обособлением; любовь как основа для личностного роста обоих субъектов взаимоотношений. Показано созвучие этих идей основным положениям современного понимания проблемы влияния брачно-супружеских отношений на совершенствование личности супругов.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Личностный аспект проблемы общения // Проблемы общения в психологии. — М., 1981.
2. Андреева Т. В. Психологические аспекты любви и брака // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 6. 2007, вып. 1.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
5. Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта: Пер. с англ. М. И. Завалова. — М.: Независимая фирма “Класс”, 1997.
6. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. — М., 1987.
7. Кроник А., Кроник Е. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. — М., 1989.

8. Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. — Т. 6, №3. — С. 126–137.
9. Маслоу А. Психология бытия: Пер. с англ. — М.; К., 1997.
10. Роджерс К. Психология супружеских отношений. Возможные альтернативы. — М.: Эксмо, 2002.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1957.
12. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976.
13. Сатир В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту. — М., 2000.
14. Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. — М.: Наука, 1989.
15. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. — М., 1989.
16. Тиводар А. Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Краснодар, 2008.
17. Трапезникова Т. М. Этика и психология семейных отношений. — Л.: ЛГУ, 1988.
18. Фромм Э. Искусство любви. — СПб., 2001.

А. А. Бефани, канд. психол. наук, доц.,

В. Е. Ткаченко, асп.,

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра загальної та соціальної психології

КОНЦЕПЦІЯ МІЖСУБ'ЄКТНОСТІ С. Л. РУБІНШТЕЙНА ТА СУЧАСНЕ ТЛУМАЧЕННЯ ПРОБЛЕМИ УДОСКОНАЛЕННЯ ОСОБИСТОСТІ У ПОДРУЖНІХ ВІДНОСИНАХ

Резюме

У статті виконаний теоретичний аналіз основних положень розробленої С. Л. Рубінштейном концепції міжсуб'єктної сутності людини. Виділено серед них ті, які співзвучні сучасному тлумаченню значення подружніх відносин для особистісного зростання їх суб'єктів.

Ключові слова: міжсуб'єктна сутність людини, міжособистісні відносини, подружні відносини.

A. A. Befani, PhD, docent,

V. E. Tkachenko, the postgrad. stud.,

Odessa I. I. Mechnikov National University,
general and social Psychology Department

THE CONCEPT OF AN INTERSUBJECT BY S. L. RUBINSHTEJN AND MODERN UNDERSTANDING OF A PROBLEM OF PERFECTION OF THE PERSON IN MATRIMONIAL RELATIONS

Summary

In article the theoretical analysis of substantive provisions of the developed S. L. Rubinshtejn of the concept of intersubject essence of the person is made. The conformable to modern understanding of value of matrimonial relations for personal growth of their subjects are allocated among them.

Key words: intersubject essence of person, interpersonal relations, personal growth matrimonial relations.